

Климков Олег Станиславович

канд. филос. наук, докторант

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

г. Санкт-Петербург

DOI 10.21661/r-116598

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: в данной работе исследователем проведены анализ взаимодействия рационализма и мистицизма в истории византийской философии, а также выделение богословских аспектов философского дискурса видных мыслителей той эпохи.

Ключевые слова: теология, рационализм, мистицизм, Византия.

Главной особенностью византийской философской традиции является органичное, хотя и зачастую противоборствующее, сочетание в ней начал античных и христианских. Следует помнить, подходя к изучению византийской философии, что грань между философско-дискурсивным и богословско-мистическим в творениях выдающихся мыслителей того времени бывает подчас неуловима. Общее восприятие феномена византийской философии в эпоху позднего Средневековья различными авторами может быть диаметрально противоположным. Одни считают, что она просто пришла в упадок, другие – что ее развитие происходило на качественно ином уровне. Но было бы ошибочным думать, что только богословское и общецерковное определяло характер византийской культуры и что, кроме храмового благочестия, они не имели никаких других духовных интересов. «При всем различии ориентаций исихастов и гуманистов их объединяет признание сложной природы человека и вера в возможность индивидуального или общественного спасения...» [3, с. 109].

Обратимся к начальному периоду византийской философии. Философия ранней Византии имеет свои отличительные особенности: во-первых, она непосредственно продолжает традицию позднеантичной философии, во-вторых, в

ней безраздельно господствует объективный идеализм и, в-третьих: она развивается в условиях абсолютного преобладания теологической проблематики. В непосредственной предыстории византийской философии можно выделить следующие имена – Климент Александрийский, Ориген, Афанасий Александрийский, Василий Кесарийский, Григорий Назианский, Григорий Нисский, Иоанн Златоуст. Первым же византийским философом, по-видимому, был Иоанн Филопон, а также его современник ученый Леонтий Византийский. Вскоре обретает известность *Corpus Areopagiticum*, который и явился подлинным истоком византийской философии.

В седьмом столетии возвышается фигура Максима Исповедника, оригинального философа и богослова, воззрения которого представляют собой органическое сращение самых разнообразных ветвей и течений, богословских и философских. «...Такое стремление к объединению и обработке в одном духе разных элементов было не каким-либо мимолетным и частичным явлением, а общей особенностью византийской жизни того времени, в той же степени характерной для целой эпохи, – пишет крупнейший дореволюционный исследователь творчества преп. Максима, – как и вообще для всей византийской культуры» [2, с. 13]. Период иконоборчества ознаменован появлением личности св. Иоанна Дамаскина. «Взаимодополнение, даже взаимопроникновение двух контрастирующих начал – аристотелианской культуры рассудочных дефиниций и культовой мистики – определяет его характерность как поворотной фигуры в истории мысли» [1, с. 39]. Основателем нового умственного движения был патриарх Фотий, отличительной чертой которого, при всей его разносторонности, была, несомненно трезвость. В его время византийская культура совершает некий необходимый и неотменяемый выбор, когда закладываются основы для подъема интеллектуальной жизни на несколько веков вперед.

Далее, подъем рационалистической мысли, наметившийся во времена Фотия, продолжается, но между рационализмом IX–X вв. и новым уровнем рационализма XI–XIII вв. лежит оживление мистических интересов, характерное для

конца X в. и первой трети XI в. Здесь уместно назвать имена аскетов Павла Латрийского и Симеона Благоговейного, а также имя преп. Симеона Нового Богослова – великого мистика Православного Востока. Увлечение Платоном дает о себе знать в лице Иоанна Мавропода, учеником которого был известнейший Михаил Пселл, «ипат философов». Учеником и преемником Пселла был Иоанн Итал, чье учение предано было анафеме на соборе 1082 г. обвинения против него содержатся в православном Синодике на первое воскресенье Великого поста. По словам известного современного исследователя: «Расцвет секуляризаторской тенденции в византийской философии XI–XIII вв. – необходимое звено историко-философского процесса. Без этого звена невозможен переход к творчеству Феодора Метохита и Никифора Хумна, к выступлению Никифора Григоры и его союзников против паламизма, продолжившего мистическую линию Симеона Нового Богослова, вообще к идейным конфликтам Палеологовской эпохи, вплоть до Гемиста Плифона» [1, с. 58].

Следующей крупной фигурой в истории византийской мысли был Никифор Влеммид. В его лице византийский рационализм, развиваясь по пути, намеченному Михаилом Пселлом, приобрел эмпирическое направление. В том же XII веке в Византии разгорелся жаркий спор между «реалистами» и номиналистами, аналогичный такому же спору в западной схоластике в те же времена. Номинализм возглавлял Сотирих Пантевген, реализм – Николай Мефонский. Спор этот закончился официальным со стороны церкви осуждением номинализма. Подобно звезде на небосклоне поздневизантийской учености сияет личность универсального энциклопедиста Феодора Метохита. Как философ, он заявлял о своей принадлежности к платонизму, ибо только Платон, по его мнению, «наиболее полно удовлетворяет беспокойный ум философа, раскрывает секреты философии, объясняет ее принципы и возводит к своему источнику понятия бога и божественного» [4, с. 74–75]. Об авторитете Метохита в среде византийской интеллигенции дает представление письмо его ученика, оппонента Григория Паламы в исихастских спорах XIV в., Никифора Григоры, где он утверждает, что

души Гомера, Платона, Птолемея и Плутарха путем метемпсихоза соединились в одном и том же теле – в теле Метохита.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно более отчетливо уяснить значение элементов философской, богословской и мистической традиций в культурном пространстве византийского общества как на всем протяжении его тысячелетнего развития, так и в соотношении с формированием доктрины поздневизантийского исихазма. Религиозно-мистические идеи теозиса и синергии, сформировавшиеся в лоне религиозно-культурной византийской традиции, с одной стороны, и философско-богословское осмысление их в паламизме, основанное на различении сущности и энергий, с другой, – позволяют нам с полным правом говорить о всеобъемлющем, выражаясь словами В.Н. Лосского, «паламитском синтезе», многое из которого стало темой творческих интуиций для целого ряда выдающихся представителей русской религиозной философии, наметивших новые пути в осмыслении Бога, мира и человека.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Философия VIII–XII вв. // Культура Византии: вторая половина VII–XII в. – М., 1989.
2. Епифанович С.П. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. – М., 1996.
3. Марков Б.В. Разум и сердце: История и теория менталитета. – СПб., 1993.
4. Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV веков. – 2-е изд. – Л., 1976; СПб., 1997.
5. Философская, богословская и мистическая традиции в культуре Византии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://orthodox-book.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1441:3-----&catid=114:2012-04-02-20-23-39&Itemid=66 (дата обращения: 22.12.2016).